

⁴²Erp D. H. The emergence... – P. 365.

⁴³Ibid.

⁴⁴Ibid. – P. 364.

Надійшло до редакції 11.02.05

О. В. Безносова

Днепропетровский национальный университет

**О ЧЕМ УМОЛЧАЛ П. М. ФРИЗЕН?
МЕННОНИТЫ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В ЦАРСКОЙ РОССИИ.
1860–1917**

На підставі архівних джерел та матеріалів преси був складений узагальнений портрет місіонера-меноніта, який діяв у 1860–1917 рр. на території Російської імперії. Також, за даними Першого загального перепису населення Російської імперії 1897 р. (як загального зводу, так і кожного з томів 89 окремих територіальних одиниць), була проаналізована результативність місіонерської діяльності менонітів серед інонаціональних та іноконфесійних груп населення.

Наши представления о каких-либо явлениях и событиях прошлого нередко складываются под влиянием личностей, многое сделавших в свое время для того, чтобы потомки помнили и понимали современные им события. Одной из таких фигур был Петр Мартынович Фризен – крупнейший русско-меннонитский историк царской эпохи, религиозный и общественный деятель. Его знаменитая книга о «Меннонитском братстве»¹ осветила многие стороны жизни меннонитов в царской России, создав яркую картину жизни народа, к которому он принадлежал. При этом обращает на себя внимание тот факт, что он старательно обходил в своем труде один аспект – религиозное влияние меннонитов на представителей «господствующего исповедания» в Российской империи. И для этого у него имелись очень существенные причины.

Переселившись в Россию, меннониты оказались в условиях государства, сделавшего основой своей конфессиональной системы господство православной церкви. Все остальные конфессии были поставлены в определенную зависимость от православного духовенства. От согласия последнего зависело разрешение гражданских властей на создание новых религиозных общин других конфессий, открытие молитвенных домов и храмов, учебных заведений для священнослужителей и т. п. Поэтому позиция православной церкви по отношению к внутрименнонитским делам была важным фактором влияния. Активная же миссионерская деятельность новоменнонитов среди иноконфессионального населения вступала в прямое противоречие как с законодательством Российской империи, так и с интересами православной церкви. Поэтому меннонитские историки старались всячески скрывать известные им факты миссионерской деятельности своих единоверцев среди православных, что привело к утверждению в позднейшей меннонитской историографии убеждения о полном отсутствии таковой в истории российских меннонитов. В советской же историографии меннониты изучались главным образом как отдельная этноконфессиональная общность, в результате чего аспекты межконфессионального взаимодействия практически вообще оказались вне поля внимания исследователей. Вместе с тем, хотя православные миссионеры с самого начала указывали на активную миссионерскую деятельность меннонитов как одну из важнейших причин зарождения и развития среди православного населения позднепротестантских сект (баптизма, адвентизма и пр.), официальная историография евангельско-баптистского движения на территории бывшей Российской империи стремилась всячески сивелировать влияние данного фактора (особенно с 20-х гг. XX ст.) в генезисе украинско-русского баптизма, подчеркивая его автохтонные корни.

Таким образом, вопрос об истинных масштабах влияния миссионерской деятельности меннонитов среди православных до сих пор остается открытым. Однако существуют довольно многочисленные архивные и печатные источники, которые еще не были привлечены для исследования данной проблемы, в том числе и все тома Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Целью

же данной работы является изучение результатов миссионерской деятельности меннонитов во второй половине XIX – начале XX ст. среди православного населения Российской империи на основании главным образом архивных документов, данных переписи 1897 г. и малоизвестных материалов прессы того периода.

Уже с начала 60-х гг. XIX ст. в полицию начала поступать информация о миссионерской деятельности братских меннонитов среди православных. В 80-е гг. того же столетия об этом заговорили и православные издания, главным образом – «Епархиальные ведомости». Следует отметить, что слово «меннонит» в значении «представитель особой конфессии среди немецкого населения» впервые упоминается на страницах «Екатеринославских епархиальных ведомостей» в 1885 г.², «Таврических» – в 1892 г.³, а в «Херсонских» – все немецкоговорящие колонисты объединились под словом «немцы»⁴. «Епархиальные ведомости» же третьей епархии наиболее компактного проживания меннонитов в империи – Самарской – вообще ни разу не упоминали о них на своих страницах. Лишь в разгар Первой мировой войны, в 1915 г., здесь появилась одна антинемецкая статья общего характера, не содержащая ни одного факта, касающегося собственно Самарской епархии, и основанная на известной книге А. Ренникова «Золото Рейна»⁵. Подобная дифференциация интереса к меннонитам объяснялась во многом и собственной позицией православного духовенства того или иного региона к делу внутренней миссии. Наиболее активным и эффективным в своей миссионерской деятельности было Екатеринославское духовенство, создавшее в 1886 г. целую сеть поместных противосектантских миссионерских комитетов. Главным объектом их деятельности были русские баптисты – последователи братских меннонитов и немецких баптистов⁶. В Херсонской епархии в качестве основных противников православной церкви выступали немецкие и украинские баптисты, меннонитов же здесь проживало не много. Поэтому херсонские православные миссионеры и светские власти объединили всех немецкоговорящих колонистов в одно понятие «немцы-баптисты»; тем более что немецкие баптисты и братские меннониты были очень близки по своим конфессиям и тесно сотрудничали между собой. В Таврической епархии интерес православного духовенства к делу внутренней

миссии возник только в конце 90-х гг.⁷... Вместе с тем следует отметить различия позиции духовенства южноукраинского региона в отношении меннонитов: на страницах «Таврических ведомостей» нередко печатались слова благодарности меннонитам, оказавшим материальную помощь в обустройстве и содержании православных храмов как в колониях, так и в соседних русских селениях⁸. «Екатеринославские ведомости» сделали это лишь один раз, в 1883 г., сообщив о благотворительном поступке будущего депутата Государственной думы Г. А. Бергмана, пожертвовавшего средства на ремонт забора православного храма с. Соленого Екатеринославского уезда, расположенного поблизости от его имения⁹.

В Херсонской губернии столкновение православного и протестантского миров также породило аналогичные проблемы. Как и везде, интересы меннонитов и православного духовенства нередко пересекались, в том числе и в сугубо материальной сфере. Так, описывая жизнь Заградовских меннонитских поселений в 90-х гг. XIX ст., П. М. Фризен с недоумением констатировал, что в 1895 г. без объяснения причин полицией был закрыт молитвенный дом братских меннонитов в с. Тиге¹⁰. Однако все становится ясным, если учесть многолетнюю судебную тяжбу, которая велась между меннонитами и причтом местной православной церкви. Меннониты купили землю у помещика под свои колонии, в том числе и ту, которая обычно выделялась как обязательные 120 дес. общественной земли для содержания причта православной церкви соседнего села Натальевки¹¹. К этому добавились и проблемы, связанные с миссионерской деятельностью меннонитов среди православного населения. Особенное же негодование у православного духовенства вызвал тот факт, что в с. Тиге находилась миссионерская касса для поддержки русских евангелистов¹². Поэтому высшие духовные власти Херсонской епархии оказывали давление на гражданские, требуя закрытия духовного центра своих противников – молитвенных домов. Действия православных священников в отношении меннонитов активно поддерживал и Херсонский уездный полицейский исправник, лично обеспечивавший, как представитель гражданской власти, выполнение закона 1894 г. о преследовании «штундистов» (каковыми обыкновенно именовались православными близкие по вероисповеданию к братским

меннонитам российские баптисты). В результате около четырех лет молитвенные дома как братских, так и церковных меннонитов в Загрядовских колониях простояли закрытыми, в то время как верующие должны были тесниться в маленьких помещениях местных сельских школ. Проблема с молитвенными домами окончательно была решена лишь в 1898 г. после того, как церковные старшины местной меннонитской братской общины Я. Г. Янцен и А. Я. Варкентин нашли оригинальный выход из положения, совершив своеобразный «ход колом»: летом 1897 г. они взяли письменные удостоверения у священника соседних православных приходов Д. Голоносова (Загрядовский приход) и В. Любистоква (Ново-Павловский приход) о том, что меннониты не занимаются миссионерской деятельностью среди местного православного населения¹³. Однако, несмотря на свидетельства этих священников, напряженность в отношениях между меннонитами и властями не только продолжала сохраняться, но даже усиливалась.

Отмеченная тенденция во взаимоотношениях властей с меннонитами прослеживается в отдельных регионах в 80–90-е гг. XIX ст. и по отчетам светских органов власти. Например, начальник Таврического губернского жандармского управления в своих отчетах о политических настроениях населения практически вообще не затрагивал вопросы религиозной жизни¹⁴; Херсонского – отмечал усиливавшееся влияние немецкого «штундизма», а Екатеринославского – прямо указывал, что «православное население все больше попадает под влияние религиозной пропаганды баптистов, лютеран (сепаратистов – О. Б.) и меннонитов»¹⁶.

Усилиями православного духовенства и полиции была собрана информация о деятельности более чем 40 меннонитов-евангелистов, активно работавших главным образом на юге России в 70-е гг. XIX в.

1917 г., в том числе и самого П. М. Фризена. Так, в 1892 г., для объяснений по поводу его миссионерской деятельности среди православных жителей региона, П. М. Фризен был вызван к Одесскому градоначальнику. Хотя он в своей объяснительной записке отрицал все обвинения, подозрения властей не были рассеяны¹⁷. Словам П. М. Фризена они могли противопоставить свою информацию, доказывающую обратное. Так, в частности, в перехваченном в 1892 г. полицией письме, адресованном киевской баптисткой Е. Морозовой

сосланному на Кавказ мужу Г. Морозову, бывшему пресвитеру киевской баптистской общины, говорилось, что в Одессе проживает «брат Петр Фризен из университетских, который «много помогал русским баптистам, отстаивая наши интересы перед лицом Одесского градоначальника и присланного из Санкт-Петербурга чиновника для особых поручений»¹⁸. В то же время православный миссионер Херсонской епархии М. Н. Кальнев лично настаивал на пресечении «вредной деятельности пресвитера Одесской немецкой общины баптистов П. М. Фризена». В результате за П. М. Фризенем был установлен надзор полиции и он вынужден был впредь соблюдать в своей деятельности осторожность, хотя «прежде действовал очень смело»¹⁹. Вообще, известные православные миссионеры М. Н. Кальнев (Херсонской губернии) и А. Я. Дородницын (Херсонской и позднее Екатеринославской губернии) в один голос утверждали, что он был одним из самых активных и влиятельных евангелистов, «известный всем и каждому»²⁰.

Обобщенные из разных источников данные о евангелистах-меннонитах говорят об их целенаправленной, активной миссионерской деятельности среди иноконфессионального и инонационального населения. При этом в источниках чаще всего дается не перечисление конкретных имен, а лишь сообщается о том, что «часто приезжают с целью пропаганды своего вероучения немцы из Николайпольских колоний»²¹, «братья из Рюккенау»²² и т.п. Тем не менее на основании этих данных можно попытаться составить некий обобщенный портрет миссионера-меннонита, действовавшего на территории Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Как правило, это был мужчина средних лет, получивший неплохое образование, хорошо владевший русским (украинским) языком. По своему профессиональному и социальному положению это был скорее не евангелист-путешественник, а живущий по соседству «дядько-німец», к которому с охотой шли работать православные крестьяне. Среди таких миссионеров-резидентов были сельские хозяева, владельцы фабрик и мастерских, ремесленники и т.д., но обязательно те, кто пользовался наемной рабочей силой. Основным регионом действия этих миссионеров были Екатеринославский и Александровский уезды Екатеринославской губернии и мо-

локатокие села близ меннонитских поселений на р. Молочной в Таврической губернии.

Изучение путей обращения православных, методов воздействия на них со стороны меннонитов, предпринятое властями уже в то время, дало довольно неожиданные, прежде всего для самого православного духовенства, результаты. Оказалось, что гораздо большее впечатление на православных производят не проповеди даже самых одаренных евангелистов, а трезвый и благочестивый образ жизни меннонитов, их грамотность и ... певческие и музыкальные собрания, привлекавшие «необыкновенной красотой песнопений» окружающее население. Поэтому в 1892–1893 гг. таврическое духовенство неоднократно пыталось добиться от гражданских властей запрещения проведения музыкальных и певческих собраний общины Рюккену на открытом воздухе, ибо они собирали до трех тысяч православных слушателей со всей округи. В 1893 г. Таврической Духовной Консисторией было возбуждено дело по поводу этих собраний. Переписка об их запрещении велась даже с министром внутренних дел. Однако так как светские власти не усмотрели в действиях меннонитов состава преступления, в возбуждении уголовного дела было отказано²³.

О влиянии меннонитов на умы местного населения свидетельствуют также такие случаи, когда, например, баптисты-украинцы в Екатеринославской губернии в 1894 г. отказывались приносить присягу на верность царю, желая давать лишь торжественное обещание, как это было принято у меннонитов; или уклонялись от военной службы во время Первой мировой войны²⁴ (оба факта для российских баптистов в целом не типичны).

Статистические данные, отражающие степень религиозного влияния меннонитов на окружающее население, нашли, в определенной степени, в результатах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Согласно ее данным 647 человек («немцев» или тех, кто не считал немецкий или другие германские языки своим родным) назвали себя «меннонитами». Согласно данным общего свода империи²⁵ они составили в целом около 1% всех представителей этого вероисповедания, проживавших на всей территории империи (табл. 1):

Таблица 1

Распределение меннонитов в Российской империи по родному языку
(по материалам переписи населения Российской империи 1897 г.):

	Всего			Грамотных			
	М.п.	Ж.п.	Всего	М.п.	Ж.п.	Всего	%
1	2	3	4	5	6	7	8
По империи							
Русский*	217	269	485	79	44	123	25,4
Польский	26	22	38	7	7	14	36,8
Остальные славянские	5	5	10	3	2	5	0,5
Литовско-латышский	10	9	13	4	3	7	53,8
Романские	11	9	20	4	2	6	0,3
Немецкий	33291	32626	65917	23866	22878	46807	71,0
Остальные германские	8	2	10	6	2	8	80,0
Остальные индоевропейские	1	2	3	1	—	1	33,3
Еврейский	4	5	9	4	3	7	77,8
Картвельские	6	3	9	—	2	2	22,2
Наречия кавказских горцев	2	—	2	—	—	—	0
Финские	17	7	24	8	4	12	50,0
Турецко-татарские	8	5	13	2	1	3	23,1
Монголо-бурятские	—	1	1	—	—	—	0
Прочие языки	—	1	1	—	—	—	0
Не указавшие родного языка	2	—	2	—	—	—	0
Всего по империи,	33598	32966	66564	23984	22941	46925	70,5
в том числе «ненемцев»	307	340	647 (0,97%)	118	70	188	27,8

*Языки: русский («великорусский»), украинский («малорусский»), белорусский.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
В европейской части (без польских губерний)							
Русский	224	251	475	75	41	119	25,1
Польский	2	2	4	1	1	2	0,5
Остальные европейские	2	4	6	1	—	1	16,7
Литовско- литовский	4	5	9	3	3	6	66,7
Романские	11	8	19	4	1	5	26,3
Немецкий	31857	31160	63017	22907	21961	44868	71,2
Остальные германские	7	2	9	5	—	5	100
Остальные индо- европейские	1	—	1	1	—	1	100
Еврейский	4	4	8	4	3	7	87,5
Прочия кавказских горцев	2	—	2	—	—	—	0
Финские	17	5	22	8	4	12	54,5
Турецко- татарские	8	3	11	2	—	2	18,2
Не указавшие языка	—	1	1	—	—	—	0
Всего по Европейской России, в том числе «пennonцев»	32098 241	31413 253	63511 494 (0,78%)	23977 111	22948 70	46925 187	73,9 37,9
В польских губерниях (Привислянском крае)							
Русский	1	1	2	—	1	1	50,0
Польский	14	20	34	6	6	12	35,3
Остальные европейские	2	2	4	2	2	4	100
Романские	—	1	1	—	1	1	100
Немецкий	343	373	716	194	198	392	54,7
Еврейский	—	1	1	—	—	—	0
Всего в Привислян- ских губер- ниях, в том числе «пennonцев»	360 17	398 25	758 42 (5,5%)	202 8	208 10	410 18	54,1 42,9

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
На Кавказе							
Литовско-латышский	1	—	1	1	—	1	100
Немецкий	806	811	1617	551	535	1086	67,2
Остальные германские	1	—	1	1	—	1	100
Остальные индо-европейские	—	2	2	—	—	—	0
Картвельские	6	3	9	—	2	2	22,2
Финские	—	2	2	—	—	—	0
Турецко-татарские	—	2	2	—	1	1	50
Прочие языки	—	1	1	—	—	—	0
Не указавшие родного языка	2	—	2	—	—	—	0
Всего на Кавказе, в том числе «не-немцев»	832 26	848 37	1680 63 (3,6%)	554 2	538 3	1091 5	65 7,9
В Сибири							
Русский	14	17	31	1	2	3	9,7
Немецкий	1	—	1	1	—	1	100
Монголо-бурятские	1	1	—	—	—	—	0
Всего в Сибири, в том числе «не-немцев»	16 15	18 17	34 32 (94,1%)	2 1	2 2	4 3	11,8 15,6
В Средней Азии							
Русский	7	5	12	—	—	—	0
Немецкий	284	282	566	207	184	391	69,1
Всего в Средней Азии, в том числе «не-немцев»	292 8	289 7	578 15 (2,6%)	207 0	184 0	391 0	67,6 0

Как видим, из 647 «нестандартных» меннонитов наиболее многочисленны говорящие на «русском» (русском, украинском и белорусском) языках (485 чел.), а также с родными финским (24 чел.), романскими (20 чел.), литовско-латышскими (13 чел.), турецко-татарскими (13 чел.) и еврейским (9 чел.) языками, проживавшие во всех частях империи. В целом же, характерной чертой географии расселения диаспоры меннонитов не-немецкого происхождения было то, что они к концу XIX ст. были жителями не только европейской части империи, Кавказа и Средней Азии, но и Сибири, где в то время проживал в г. Омске (Томская губерния) единственный «классический» меннонит немецкого происхождения Петр Винс.

Еще более интересные результаты дает рассмотрение погубернской картины (всего в общей сложности 68 из 89 территориальных единиц) распределения меннонитов в империи, с учетом имеющейся в томах по губерниях информации об их родных языках²⁶ (табл. 2).

Таблица 2

Распределение меннонитов Российской империи по губерниям (по материалам переписи населения Российской империи 1897 г.)

Территориальная единица	Всего	С родным немецким языком	Прочие языки
1	2	3	4
Вся империя	66564		647 (16 языков и языковых групп)
Европейская Россия	63511	63017	494 (13 языков и языковых групп)
(2)* 1. Астраханская	2		Нет данных**
(3) 2. Бессарабская	18	9	9 [молдавский (6), еврейский (3)]

* Здесь и далее в скобках – номер губернии и тома, согласно официальному перечню территориальных единиц Российской империи.

** В этой и других губерниях не сделана раскладка меннонитов по уездам, городам и языкам, или же не сохранилась 2-я тетрадь тома губернии, где были изложены данные по вероисповедному составу.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
(4) 3. Виленская	2		Нет данных
(8) 4. Вольнская	177	177	-
(9) 5. Воронежская	1		Нет данных
(12) 6. Донского войска область	381	355 + 1(остальные германские)	25 [русский(19), украинский (3), литовско-латышский (1), кавказских горцев (2)]
(13) 7. Екатерино- славская	23922	23885	37 [русский (15), украинский (19), турецкий (1), татарский (1), армянский (1)]
г.Екатеринослав	146	Нет данных	Нет данных
во всех городах губернии	207	203	4 [русский (3), украинский (1)]
(14) 8. Казанская	1	1	-
(15) 9. Калужская	1		Нет данных
(16) 10. Киевская	13	6	7 [русский (5), еврейский (2)]
(17) 11.Ковенская	1	-	1 [литовский]
(19) 12. Курлянд- ская	5	-	5 [латышский (4), еврейский (1)]
(20) 13. Курская	2	-	2 [русский]
(21) 14. Лифлянд- ская	15	4	11 [латышский (6), эстонский (5)]
(22) 15. Минская	2	-	2 [польский (1), еврейский(1)]
(23) 16. Могилев- ская	1	-	1 [латышский]
(28) 18. Оренбург- ская	1766	1766	-
(29) 19. Орловская	13		Нет данных
(30) 20. Пензенская	6	-	6 [русский]
(31) 21. Пермская	11	-	11 [русский]
(32) 22. Подольская	3	-	3 [русский (1), еврейский (1), украинский (1)]

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
(33) 23. Полтавская	6	6	--
(35) 24. Рязанская	3	1	2 [русский]
(36) 25. Самарская	4616	4594	22 [русский (10), украинский (1), финский (11), эстонский (1), мордовский (10)]
(37) 26. Санкт-Петербургская (гг. С.-Петербург и Парва)	16	4 (остальные германские)	12 [русский (5), романский (1), эстонский (6)]
(38) 27. Саратовская	6	6	--
(39) 28. Симбирская	5	3	3 [русский (1), еврейский (1)]
(40) 29. Смоленская	2	1	1 [русский]
(41) 30. Таврическая	25508	25507 + 1 (остальные германские)	--
(42) 31. Тамбовская	67	1	66 [русский]
(43) 32. Тверская	7	--	7 [русский]
(45) 33. Уфимская	308	301	7 [русские (3), латышский (14)]
(46) 34. Харьковская	1214	1196	18 [русский (4), украинский (14)]
(47) 35. Херсонская г.Одесса	5386	5194	192 [русский (6), украинский (172), белорусский (2), романский (12), не указавшие языка (1)]
(48) 36. Черниговская	8	2	6 [украинский]
(49) 37. Эстлянская	1	--	1 [эстонский]
(50) 38. Ярославская	1	--	1 [польский]

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
В 10 Привислянских губерниях (51-60)	758	716	42 [украинский (1), белорусский (1), польский (32), чешский (4), еврейский (1), французский (1)]
Кавказ	1680	1617	63 [9 языков и языковых групп]
(61) 49. Бакинская	2	—	2 [татарский]
(63) 52. Елисаветпольская	1	—	1 [татарский]
(65) 54. Кубанская обл.	1147	1122	25 [русский (18), украинский (5), эстонский (2)]
(66) 55. Кутаисская	7	1 (остальные германские)	6 [грузинский (5), сванский (1)]
(67) 56. Ставропольская	311	300	11 [русский (6), украинский (4), литовско-латышский (1)]
(68) 57. Терская обл.	198	194	4 [русский (3), не указавшие языка (1)]
(69) 58. Тифлисская	5	—	5 [армянский (1), грузинский (4)]
(70) 59. Черноморская	2	Нет данных	
(71) 60. Эриванская	7	—	7 [русский (1), татарский (5), айсорский (1)]
Сибирь	34	1	33 [русский (31), литовско-латышский (1), бурятский (1)]
(73) 61. Енисейская	2	—	2 [русский (1), литовско-латышский (1)]
(75) 62. Иркутская	4	—	4 [русский (3), бурятский (1)]
(76) 63. Приморская обл.	1	Нет данных	

Окончание табл. 2

1	2	3	4
(78) 64. Тобольская	10	–	10 [русский (10)]
(79) 65. Томская	17	1	16 [русский (16)]
Средняя Азия	581	566	15 [русский (10), украинский (1), киргизско-кайсацкий (3)]
(81) 66. Акмолинская	3	1	2 [русский (2)]
(85) 67. Семиреченская обл.	8	1	7 [русский (4), киргизско-кайсацкий (3)]
(86) 68. Сырдарьинская область	566	564	2 [русский (1), украинский (1)]
(88) 68. Уральская обл.	4	–	4 [русский (4)]

Как видим, к 1897 г. меннониты проживали в 68 из 89 территориальных единиц Российской империи, концентрируясь главным образом в европейской ее части. Наибольшей меннонитской диаспорой обладали семь губерний Европейской части империи – Таврическая, Екатеринославская, Херсонская, Самарская, Харьковская, Оренбургская и Волынская, в которых (за исключением Херсонской, о чем речь пойдет ниже) меннониты немецкого происхождения составляли абсолютное большинство и где находились основные массивы их как материнских, так и дочерних колоний. Также значительные дочерние поселения немецкоязычных меннонитов располагались в Кубанской, Войска Донского и Терской областях и Ставропольской губернии на Кавказе, Сырдарьинской области в Средней Азии и двух губерниях (Варшавской и Плоцкой) Привислянского края. Одинокие меннониты с родным немецким языком проживали также в разных губерниях почти по всей территории империи (Казанской, Полтавской, Бакинской, Елисаветпольской, Тифлисской, Эриванской, Уральской и др.). Однако главная интрига все же состоит в данных о тех меннонитах, родным языком которых был не немецкий или другие языки германской группы, тем более что география их расселения была значительно шире, нежели у «классической» немецкоязычной диаспоры. Большинство иноязычных меннонитов проживало в

Херсонской (192 чел.), Екатеринославской (37 чел.), Самарской (22 чел.) губерниях, а также областях Войска Донского (25 чел.) и Кубанской (25 чел.). Иноязычные меннониты, как уже отмечалось выше, преобладали в Сибири, где они составляли почти 95% всех представителей данного вероисповедания.

Как указывалось выше, большинство представителей меннонитов считали родным «русский» язык. Рассмотрение данных по каждой из губерний помогает уточнить количество представителей каждой национальности (на основании данных о родном языке). Таким образом, из 485 меннонитов с родным «русским» языком 251 человек был русским, 228 – украинцами, 3 – белорусами (по оставшимся трем данные отсутствуют). Меннониты-русские были практически во всех 68 губерниях (за исключением Прибалтики и некоторых губерний Кавказа), причем в иных губерниях и даже отдельных регионах они составляли большинство всех представителей данного вероисповедания. Например, почти исключительно из русских состояли меннониты в Тамбовской (66 чел.), Курской, Пензенской, Пермской, Подольской, Тобольской, Томской и некоторых других губерниях. Основным регионом пребывания меннонитов-украинцев была Украина (губернии Херсонская, Екатеринославская, Харьковская и Черниговская), а также Ставропольская губерния и Кубанская область северокавказского региона, где также проживало много этнических украинцев разных исповеданий. Меннониты-белорусы жили на Херсонщине в Польше.

Среди меннонитов в Российской империи были и представители других славянских языков – польского (38), чешского и словацкого (10) – жители губерний Царства Польского, а также представители прибалтийских народов (литовцев, латышей и эстонцев), проживавших как в родных им прибалтийских губерниях, так и в прикавказском регионе и Среднем Поволжье.

Наиболее же интересной является информация о наличии среди меннонитов представителей тех народов, которые в основной своей массе не были христианскими – евреев (9 чел.), татар и турков (13 чел.), киргизов (3), бурятов (1). Поэтому пытаясь объяснить феномен наличия в национальном составе меннонитов довольно большого количества представителей немецкого происхождения (более чем 16 национальностей), необходимо учитывать несколько факто-

ров, в том числе и тот, что представители этого вероисповедания (как показывает раскладка данных о меннонитах по уездам и городам в губерниях) проживали на отдельных территориях дисперсно. Так, в Подольской губернии в 1897 г. проживали трое меннонитов (двое мужчин и одна женщина), из которых один мужчина назвал своим родным языком русский, другой – еврейский, а женщина – украинский. При этом один мужчина проживал в Винницком уезде, другой – в Летичевском, а женщина – в Могилевском²⁷. Не имея возможности просмотреть рабочие материалы переписи по губерниям (анкеты отдельных респондентов), можем лишь предположить что в данном случае мы имеем дело с прямыми свидетельствами успешности как миссионерской деятельности меннонитов, так и результатами развития евангельско-баптистского движения на территории империи в течение предыдущих 40 лет. В то же время к моменту переписи уже три года как действовал закон 1894 г. об административно-уголовном преследовании штундистов (каковыми считали всех вышедших из православия баптистов и евангельских христиан). Поэтому в число меннонитов Сибири и Кавказа, возможно, попали и высланные в административном порядке из европейских губерний баптисты соответствующих национальностей. Скорее всего именно этим обстоятельством и объясняется присутствие 14 меннонитов из числа представителей прибалтийских народов в северокавказском регионе, Среднем Поволжье и Сибири. Это тем более представляется вероятным, что в те годы российский баптизм как движение в конфессиональном плане был еще очень неоднороден и части его последователей был гораздо ближе братско-меннонитский догмат об отказе от военной службы, чем баптистское учение о праве правительства применять оружие для защиты. В тоже время часть «штундистов» могла с чисто формальной точки зрения назвать себя «меннонитами», чтобы спастись от преследований полиции.

Таким образом, можно утверждать, что данные переписи 1897 г. о количестве меннонитов немецкого происхождения и анализ географии регионов их проживания дают возможность более-менее точно определить степень влияния меннонитского фактора в развитии евангельского движения среди ненемецкого населения Российской империи к началу XX ст.

Особенно же усилилась миссионерская деятельность меннонитов среди православных после 1905 г., с введением свободы слова, совести и собраний. Безусловно, проповедуемые меннонитами идеи религиозного пацифизма попали в русло пропаганды и других религиозно-общественных групп. Однако в 1913 г., перечисляя «наиболее опасные для церкви и государства секты» в своем секретном письме к начальнику Департамента полиции С.П. Белецкому, обер-прокурор Св.Синода В.К.Саблер писал следующее: «Русские сектанты попадают под влияние, по религиозным убеждениям не признающих воинской повинности меннонитов... С 1905 г. меннониты энергично занимаются распространением среди русского сектантства своих верований, с их антимилитаристическими наклонностями»²⁸.

В этой обстановке для православного духовенства, чувствовавшего свое бессилие в борьбе с новыми протестантскими группами, как нельзя кстати стало развертывание в конце XIX – начале XX ст. антигерманских кампаний. Ухватившись за возможность обвинить своих идейных противников в «онемечивании» православного населения, оно натравило на меннонитов, баптистов, евангелистов и адвентистов не только царскую полицию и жандармерию, но и прессу. Екатеринославское же православное духовенство пошло еще дальше. Известный исследователь протестантизма на юге России, бывший миссионером в Херсонской и Екатеринославской епархиях, А. Я. Дородницын (епископ Алексей) выражал свое сожаление о том, что в меннонитских спорах 60-х гг. XIX ст. православное духовенство заняло позицию постороннего наблюдателя, а не поддержало старую (меннонитскую) церковь в борьбе с опасными новыми религиозными группами²⁹. Поэтому еще в бытность свою екатеринославским епархиальным миссионером А. Я. Дородницын предложил в своей записке «Штунда и так называемое «Крестящее по вере соединенное меннонитское братство»» екатеринославскому губернатору М. Д. Мартынову распространить закон 1894 г. о преследовании штундистов и на братских меннонитов, которые были, по его мнению, самыми яркими распространителями штундизма среди православного населения³⁰. Написанная А. Я. Дородницыным записка-инструкция принесла немало хлопот меннонитам, ибо, основываясь на ней, братско-меннонитским общинам отказывали в регистрации,

или, как в вышеописанном случае с Тиге Заградовских поселений на Херсонщине, в разрешении работы уже построенных молитвенных домов³¹. В результате таких целенаправленных действий гражданских и духовных властей против братских меннонитов только из Екатеринославского уезда в 90-е гг. XIX ст. в Америку выехало около 1 400 меннонитов (взрослых и детей)³².

Инициативу екатеринославцев в области организации православной противосектантской миссии подхватили и тавричане: в 1899 г., на епархиальном съезде духовенства, был представлен проект о разделении всех Молочанских колоний на миссионерские округа с целью контроля над религиозной жизнью православных рабочих и оживления миссионерской работы среди собственно меннонитов³³. В целом, если сравнивать обстановку конца XIX – начала XX ст. в России и отношение к немецко-меннонитскому населению в масштабах трех южноукраинских губерний, то поражает разная степень проявления антигерманских настроений. В Херсонской и особенно Екатеринославской губерниях, где очень сильно было влияние православной Церкви, в 1914–1915 гг. зафиксированы многочисленные случаи враждебного отношения православного населения к немецким землевладельцам, уход русских рабочих от мелких хозяев-предпринимателей, нетерпимое отношение к представителям «германских исповеданий» среди «русского населения»³⁴. В то же время наиболее толерантная в религиозном отношении атмосфера сложилась в Таврии, где влияние православного духовенства было ослаблено наличием значительной доли инонационального и иноконфессионального элемента в населении губернии.

Следует отметить, что подозрения в прогерманских симпатиях бриггских меннонитов и российских баптистов у православного духовенства вызывали, например, уже сам факт публикации в меннонитском журнале «Фриденштимме» условий поступления в библейскую миссионерскую школу «Союз» в Берлине для евангелистов – российских подданных³⁵ или же то, что известный пресвитер баптистов Ф. П. Балихин в журнале «Баптист» (1909, № 2) писал, обращаясь к единоверцам: «Братья Я. Реймер и П. Унру особенно способны и много полезны для библейских собраний и, если где бывают такие, то я советую приглашать их»³⁶. Антигермански настроенные

круги российского общества широко использовали эти и другие факты для доказательства прогерманской ориентации российских баптистов и меннонитов. С началом же Первой мировой войны антигерманские настроения резко усилились, поэтому тот факт, что после запрещения в 1914 г. получения религиозной литературы из Германии русские баптисты стали печатать ее в меннонитском издательстве «Радуга», воспринимался исключительно как происки германского правительства³⁷. В концентрированном виде подобные настроения в российском обществе нашли отражение в большой статье «МВД и меннониты», опубликованной 21 августа 1916 г. популярной харьковской газетой «Южный край». В ней меннониты прямо обвинялись в попытках распространения германизма путем миссионерской деятельности³⁸. Итогом этой антигерманской кампании стали аресты и ссылки в Сибирь проповедников, закрытие издательств и планы правительства по ограничению религиозных прав меннонитов. В конце 1916 – начале 1917 гг. Государственная дума планировала начать работу по пересмотру религиозного законодательства империи в плане существенного сокращения прав «иностранных исповеданий» и особенно меннонитов.

В такой обстановке братские меннониты были вынуждены скрывать истинные масштабы своей миссионерской деятельности. Это, в свою очередь, привело к формированию точки зрения о практическом отсутствии таковой. Изучение же архивных документов, которое далеко еще не исчерпало своих ресурсов, показывает, что меннониты имели гораздо большее влияние, чем сейчас мы можем представить и границы которого должны еще изучить.

Примечания

¹*Friesen P. M.* Alt-Evangelische Mennonitische Bruederschaft in Russland (1789–1910) im Rahmen der mennonitischen Gesamtgeschichte. – Halbstadt, 1911.

²О баптистах в А-ском приходе Екатеринославского у. // Екатериносл. епарх. ведомости. – 1885. – № 2. – С. 435–479. – Далее: ЕЕВ.

³*Сердобольский А.* Раскол и сектанство в Таврической губернии // Таврич. епарх. ведомости. – 1892. – Май. – № 9. – Отд-ние. офиц. – С. 403. – Далее: ТЕВ.

⁴Херсонские епархиальные ведомости. – 1880–1900.

⁵Самарские епархиальные ведомости. – 1880–1916; *Введенский А.* Немцы и сектанты // Там же. – 1915. – № 22. – С. 769–786; *Ренников А.* Золото Рейна. – М., 1915.

⁶*Монастырев М., свящ.* О Миссионерских Комитетах в Екатеринославской Епархии с кратким обзором истории и характеристики местного сектантства // ЕЕВ. – 1891. – Май. – № 9. – С. 155–169; Июнь. – № 11. – С. 203–225.

⁷Обращение архиепископа Михаила к редакции «Таврических епархиальных ведомостей» // ТЕВ. – 1899. – Май. – № 9. – Отд-ние офиц. – С. 403.

⁸ТЕВ. – 1889. – Май. – № 9. – Отд-ние офиц. – С. 396; 1890. – Декабрь. – № 24. – Отд-ние офиц. – С. 953; Построение в с. Гальбштадт православного храма // ТЕВ. – 1889. – Февраль. – № 3–4. – С. 87–108.

⁹ЕЕВ. – 1883. – Январь. – № 2.

¹⁰*Friesen P. M.* Alt-Evangelische Mennonitische Bruederschaft...; *Friesen P. M.* The Mennonite Brotherhood in Russia (1789–1910): Transl. from the German // Board of Christian Literatures General Conference of Mennonite Brethren Churches. – Fresno; California, 1980. – P. 547–550, 906–911.

¹¹Государственный архив Одесской области. – Ф. 37, оп. 1, д. 3314. – Далее: ГАОО.

¹²Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 102, особый отдел (далее: оо.), оп. 1915 г., д. 85, л. 57 об. – Далее: ГАРФ; Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. – Ф. 313, оп. 2, д. 3125, л. 6, 7–7 об., 48–48 об., 49. – Далее: ЦГИАУК.

¹³Российский государственный исторический архив. – Ф. 821, оп. 5, д. 1032, л. 1–191 об. – Далее: РГИА.

¹⁴ГАРФ. – Ф. 102, оо., оп. 1890 г., д. 47, ч. 57; Оп. 1900 г., д. 1, ч. 50.

¹⁵Там же. – Оп. 1884 г., д. 88, ч. 47, л. 11, 53–55 об.; Оп. 1891 г., д. 44, ч. 33, л. 6–11.

¹⁶Там же. – Оп. 1887 г., д. 9, ч. 21, л. 6; Оп. 1888 г., д. 89, ч. 12, л. 9–9 об.

¹⁷*Кальнев М.* Немцы и штундобаптисты. По поводу найденного протокола одной из конференций, состоявшейся 21–23 мая 1882 г. в немецкой колонии Рикеншу Таврической губернии // Рус. обозрение (отдел. отд.). – М., 1897. – С. 16, ГАОО. – Ф. 2, оп. 1, д. 1725, л. 5–6.

¹⁸ЦГИАУК. – Ф. 442, оп. 690, д. 315, л. 22–22 об.

¹⁹РГИА. – Ф. 821, оп. 5, д. 940, л. 203–206; *Кальнев М.* Немцы и штундобаптисты... С. 29–30.

²⁰*Кальнев М.* Немцы и штундобаптисты... – С. 30; *Алексий (епископ).* Религиозно-рационалистическое движение на Юге России во второй половине XIX ст. – Казань, 1909. – С. 233.

²¹История распространения сектантства в приходе Петропавловской церкви с. Соленьного Екатеринославского у. (Записка священника О. А. Не-

дригайлова от 29 мая 1897 г.) // Алексей, епископ (Дородницын). Материалы для истории религиозно-рационалистического движения на Юге России во второй половине XIX ст. – Казань, 1908. – № 292. – С. 426.

²²Высотский А. Сведения о состоянии раскола и сектанства и деятельности православной миссии в Таврической епархии в 1897 г. // ТЕВ. – 1898. – Январь. – № 1. – Неофиц. – С. 40; Ноябрь. – № 22. – Неофиц. – С. 1474.

²³Высотский А. Молокане или штундисты? // ТЕВ. – 1898. – Март. – № 9. – Неофиц. – С. 303–304; РГИА. – Ф. 821, оп. 5, д. 1025.

²⁴Дородницын А. Я. Десятилетнее странствование вне Православной Церкви (исповедь штундиста) // ЕЕВ. – 1898. – Май. – № 15. – С. 385–386; ЦИАУК. – Ф. 313, оп. 2, д. 3125, л. 48–48 об., 49.

²⁵Первая Всероссийская перепись населения Российской империи. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: В 2 вып. / Под ред. Н. А. Троицкого. – С.Пб., 1897. – Вып. 1. – С. 92–10.

²⁶Первая Всероссийская перепись населения Российской империи, произведенная 28 января 1897 г. / Под ред. Н. А. Троицкого. – С.Пб., 1898–1905. – Т. 1. – С. 89.

²⁷Там же. – Т. 32. – С. 96–97.

²⁸ГАРФ. – Ф. 102, оо., оп. 1913 г., д. 85, л. 235 об.

²⁹Алексий. Религиозно-рационалистическое движение... – С. 136, 166.

³⁰Дородницын А. Я. Штунда и так называемое «Крестящее по вере соединенное меннонитское братство» (Glaubiggetaufte und vereinigte Mennoniten Brudergemeinde) // ЕЕВ. – 1896. – Сентябрь. – № 19–20. – С. 465–475, 489–502; Октябрь. – № 21. – С. 520–540; РГИА. – Ф. 821, оп. 5, д. 940, л. 88, 91–110.

³¹РГИА. – Ф. 821, оп. 5, д. 1032, л. 25–35, 47–48, 59–64 об.

³²Материалы для оценки земель в Екатеринославской губернии. – Т. 1: Екатеринославский уезд. – Екатеринослав, 1899. – С. 77.

³³Матковский А. К вопросу об удовлетворении религиозных потребностей православных рабочих, находящихся в услужении у немцев-колонистов // ТЕВ. – 1899. – Октябрь. – № 19. – Неофиц. – С. 1363–1369.

³⁴ГАРФ. – Ф. 102, оо., оп. 1915 г., д. 167, ч. 89, л. 85; ЦИАУК. – Ф. 313, оп. 2, д. 2983, л. 85; д. 3235, л. 98.

³⁵ГАРФ. – Ф. 102, оо., оп. 1913 г., д. 85, л. 79.

³⁶Там же. – Л. 236.

³⁷ЦИАУК. – Ф. 313, оп. 2, д. 3125, л. 102–102 об.

³⁸МВД и меннониты // Южный край. – 1916 г. – 21 авг. – № 13548.